

антропонимики. М., 2006.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Ferguson E. Baptism in the Early Church: History, Theology, and Liturgy in the First Five Centuries. Grand Rapids, 2009.

Filippov I. S. Patrimonial and Baptismal Names in the Early Medieval Slavic Word. Comparative Observations // Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections / Ed. M. Homza, J. Lukačka, N. Budak. Bratislava, 2013. P. 390–400.

Mitterauer M. Ahnen und Heilige. Namengebung in der europäischen Geschichte. München, 1993.

Saxer V. Les rites de l'initiation chrétienne du II au VI siècle. Spoleto, 1988.

Thoma G. Namensänderung in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Kalmünz, 1985.

Wilson S. The Means of Naming. A Social and Cultural History of Personal Naming in Western Europe. London, 1998.

Igor S. Filippov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

NAME AND FAITH: BAPTISMAL NAMES IN ORTHODOX RUS'
AND IN THE CATHOLIC WEST

This article deals with different approaches to name-giving in the Orthodox and Catholic traditions. Different understanding of the baptismal name, connected with the liturgical practices of the two confessions, is explained by the lack of data on this issue in the canons and other authoritative texts of the early Church, also by the custom of giving a person at baptism more than one name which emerged in the West already in the early Middle Ages, and by the historical circumstances of the evangelisation of Germanic, Celtic and Slavic nations.

Keywords: early Middle Ages, Christianity, liturgy, baptism, catechumenate, baptismal names, name-giving

УДК 821.161.0 ББК 76.10 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0031

Б. Н. Флоря

Исл РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. rillen@mail.ru

«СТЕПЕННАЯ КНИГА» О КРЕЩЕНИИ «РУСОВ» В IX в.

В статье рассматривается рассказ о крещении «русов» в IX в., который читается в «Степенной книге». В начале 1560-х годов московские книжники пытались согласовать древнерусскую традицию, связывавшую крещение страны при Владимире Святославиче с именем патриарха Фотия, и проникшее в Русский Хронограф и Никоновскую летопись через хронику Иоанна Зонары аутентичное сообщение Продолжателя Феофана о крещении «русов». Выход был найден в лишении «русов» IX в. связи с Киевом и отнесении их крещения к миссии свв. Кирилла и Мефодия. Таким образом, события IX–X в. получали новое освещение как ряд последовательных актов Божественной заботы об избранном народе.

Ключевые слова: крещение «русов», крещение Руси, патриарх Фотий, «Степенная книга», Русский Хронограф, Никоновская летопись, Иоанн Зонара, Продолжатель Феофана

Такое событие, как крещение «русов» в IX в., как известно, для этого времени и для Восточной Европы можно охарактеризовать как представленное в источниках гораздо лучше, чем любое другое событие истории Восточной Европы того периода.

О нем рассказывается сразу в двух авторитетных источниках. Одним из них является окружное послание константинопольского патриарха Фотия 867 г., где кратко говорится, что «русы», ранее нападавшие на Империю, стали христианами, «приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды»¹.

Более подробный рассказ о крещении «русов» в IX в. читается в биографии императора Василия I, авторство которой приписывается его внуку Константину Багрянородному, но которая, несомненно, написана в середине X в. [Любарский, с. 218]. Здесь рассказывается, что Василий I «склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ русов» и уговорил их «принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа». На собрании «росы», которых архиепископ убеждал принять христианскую веру, потребовали от него чудесного знамения. Тогда архиепископ «метнул в пламя костра книгу святого Евангелия», и, когда рукопись не сгорела, «варвары поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению»².

Между двумя свидетельствами есть расхождения. Согласно посланию Фотия, инициатива крещения «русов» принадлежала ему, а в жизнеописании Василия I речь идет о патриархе Игнатии. Однако оба они совпадали в том, что между Византией и «русскими» после имевших место войн был заключен мир, «русы» приняли архиепископа из Константинополя и крестились.

Рассказ, читающийся в тексте Продолжателя Феофана, повторялся в сокращенном виде в целом ряде греческих хроник XII–XIII в., став частью византийской исторической традиции³. Даже в кратких пособиях (как, например, в хронике Иоанна Зонары) помещались известия о крещении «русов» в правление Василия I⁴.

¹ Текст послания цит. по: [Левченко, с. 77].

² Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 142–143.

³ Подборку этих текстов см.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1994. Кн. I. С. 301–302.

⁴ Там же. С. 302–303.



Иная картина обнаруживается в древнерусской исторической традиции. Летописные своды XI–XII в. не содержат каких-либо упоминаний о крещении «русов» в IX в., хотя их создателям известно о нападениях «русов» в IX в. на Византию. Рассказ Продолжателя Феофана, по-видимому, в течение длительного времени оставался на Руси неизвестным.

Какие-то отголоски традиции об участии патриарха Фотия в крещении «русов» Руси, видимо, достигли — не случайно об этом говорится в разных редакциях «Устава Владимира», однако в этих текстах он последовательно выступает как современник и креститель Владимира Святославича⁵. В новгородском «Уставе Всеволода» даже упоминаются «Фотия патриарха цареградскаго грамоты, что принес на Русь князь великий Владимир»⁶. Тем самым новые сведения были решительно приспособлены к имеющейся традиции, и никаких изменений в существующем описании событий русской истории IX в. не произошло.

Эта традиция получила отражение и в древнерусских летописных сводах послемонгольского времени. Уже в Софийской I летописи старшего извода патриарх Фотий присылает Владимиру первого киевского митрополита Леона и епископов⁷. Это утверждение повторялось и в последующих сводах⁸.

Сложности возникли в XVI в., когда встал вопрос о создании изложения всемирной истории, где содержался бы материал и о событиях древнерусской истории (создание Хронографа русской редакции), и о создании летописного свода, пополненного известиями из византийских источников (Никоновская летопись).

Как показал О. В. Творогов, одним из источников первоначальной редакции русского Хронографа стала переработка на славянской почве хроники XII в. Иоанна Зонары, в которой читался восходящий к Продолжателю Феофана рассказ о крещении «русов» [Творогов, с. 182–183].

Знакомство с новым источником привело к дублировке известий о походе Аскольда и Диры на Константинополь. Сначала читался текст, восходящий к Повести временных лет, а затем воспроизводился текст нового источника с передачей характерной для него терминологии: «Роди же, нарицаемые Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонте». В него были вставлены отсутствовавшие в источнике имена князей Аскольда и Диры. Очевидно, составители Хронографа считали, что «русы» этого текста жили в Среднем Поднепровье вокруг Киева. Рассказ заканчивался словами о чуде с евангелием, когда «Сие видевше Руси, удивившася, чюдящеся силе Хрестове и вси крестисаша»⁹.

Рассказ Хронографа был затем включен в состав Никоновской летописи¹⁰. Если составители Хронографа ограничились отмеченной выше дублировкой известий, то составители Никоновской летописи уделили княжению Аскольда и Диры особое внимание, поместив в свое повествование целый ряд известий о действиях этих князей, но что касается крещения «русов», то и в Хронографе и в Никоновской летописи было лишь внесено новое свидетельство, что никак не повлияло на содержание и структуру повествования.

В обоих источниках в соответствии с русской летописной традицией при описании событий второй половины IX в. помещался рассказ о Кирилле и Мефодии и создании славянской письменности. С «русами» этот рассказ никак не связан. Лишь отмечено, что, поскольку все славянские народы говорят на одном языке, «русы» могли воспользоваться созданной солунскими братьями письменностью¹¹.

Между тем при знакомстве с новым свидетельством о событиях IX в. возникал неприятный вопрос, почему же, несмотря на чудо с евангелием и крещение, «русы» снова обратились к язычеству и Владимиру пришлось крестить их вторично. Характер возникшей ситуации ощутил составитель западнорусской редакции Хронографа, работавший одновременно с составителями Никоновской летописи, который заменил концовку рассказа о чуде с евангелием. «Русы» действительно «чюдящеся силе Хрестове, но еще не оу время бе прославити имени Господню»¹².

Так обстоит дело с изображением событий русской истории середины IX в., когда приступили к работе в начале 60-х годов XVI в. составители «Степенной книги». В их распоряжении помимо свидетельства, читавшегося в Хронографе и Никоновской летописи, оказалось еще одно важное свидетельство — переведенное, по-видимому, Максимом Греком окружное послание патриарха Фотия о крещении «русов». Большая цитата из этого послания читается в главе 6 I Степени «Степенной книги»¹³. Однако послание не содержало точной даты, а сложившаяся на русской почве традиция говорила о Фотии как современнике Владимира. Правда, в Хронографе читался целый ряд сообщений о действиях патриарха Фотия в правление императоров Михаила III и Василия I, но, вероятно, полагали, что в княжение Владимира в Константинополе был и другой патриарх с этим именем¹⁴. В повествовании «Степенной книги» патриарх Фотий выступает как активный участник событий, связанных с

⁵ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Цапов. М., 1976. С. 15, 16, 18 и др.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 105.

⁸ См., например: ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. 25. С. 365.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 352.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 13.

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 17; Т. 22. Ч. 1. С. 354.

¹² ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22. Ч. 2. С. 454.

¹³ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. I. С. 225. О переводах и списках перевода послания середины XVI в. см.: [Усачев, с. 239].

¹⁴ Возможно, имело значение, что Хронограф содержал целый ряд отрицательных отзывов о патриархе Фотии IX в. как интригане, который действовал против «священного» Игнатия и содействовал возвышению «злбесного» Сантаварина (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 351).

крещением Руси при Владимире. Именно он, согласно рассказу «Степенной книги», посылает к Владимиру для крещения Руси митрополита и епископов¹⁵. Тем самым послание Фотия хорошо вписывалось в сложившуюся ранее традицию.

Однако со свидетельством Хронографа дело обстоит иначе. Там определенно указывалось, что крещение «русов» произошло во второй половине IX в. в правление императора Василия I, в нем упоминались киевские князья Аскольд и Дир. Получалось, что жители «матери городов русских», приняв крещение после чуда с евангелием, сначала крестились, а затем отступили от христианской веры и Владимиру в конце X в. снова пришлось их крестить.

Для составителей «Степенной книги», утверждавших, что русский народ — это избранный народ — «Новый Израиль», избранный Богом для руководства христианским миром в будущем, нельзя было включать в свой текст известие, которое могло создать почву для подобных заключений. Поэтому известие Хронографа было подвергнуто переработке. Рассказ главы 11 I степени начинался словами об Аскольде и Дире, «иже воеваста Римляньскую страну», но далее говорится о том, что вместе с ними в военных действиях участвовали «русы, иже кумани, живущие в Ексинопонте». Слова эти были заимствованы из известия Хронографа, но если составитель Хронографа отождествил их с жителями Среднего Поднепровья, указав на Аскольда и Диру как их предводителей, то составители «Степенной книги» выделяют их как особую общность, не связанную ни со Средним Поднепровьем, ни с Аскольдом и Диром. Именно к этой особой общности относятся восходящие к Хронографу известия о заключении мира с Византией, чуде с евангелием и крещении¹⁶. Так нежелательная связь между крещением «русов» и Киевом была разорвана.

Более того, эти «русы» на Черном море получили в повествовании «Степенной книги» особую историю. Для этого был использован летописный рассказ о Кирилле и Мефодии, традиционно читавшийся в русских летописях при описании событий конца IX в.¹⁷ Здесь говорилось о крещении «Словен», князья которых Ростислав, Святополк и Кочел обратились в Константинополь с просьбой прислать учителей, которые «могут сказати книжная словеса и разум их». Были посланы Кирилл и Мефодий, которые создали славянскую письменность «и преложиша Апостол и Еуангелье». Слова летописного рассказа «первое преложены книги Мараве» ясно указывают, в какую землю направились из Константинополя Кирилл и Мефодий.

Текст рассказа в «Степенной книге» был существенно изменен¹⁸. За сообщением о крещении «русов», живущих «в Ексинопонте», здесь читалось: «князи же их Ростислав и Светослав и Кочел послаша к царю Михаилу». Тем самым эти «русы» получили свою историю и своих князей и их связь с Киевом оказалась окончательно разорванной. Вместе с тем именно с «русами», хотя и с особой их частью, оказалось связано такое важное событие мировой истории, как создание славянской письменности. Морава в тексте, правда, упоминается, но как место, куда «потом же Мефодий философ поставлен бысть епископом».

Рассказ о Кирилле и Мефодии, восходящий в основной части к летописному изложению, заканчивается концовкой, где происходящее рассматривается как проявление особой заботы Бога о русских людях, когда «благоволи прелблагии Боже наш рускими писмены, руским же и языком быти книжному исполнению». А затем для крещения уже всех «русов» Бог избрал Владимира, «его же даровал... новому Израилю, руским людям»¹⁹.

Так, события, происходившие в Восточной Европе в IX—X в., могли рассматриваться как ряд последовательных актов особой заботы Бога о избранном народе. Чудо с евангелием побудило южную часть «русов» принять крещение, потом для них и в их среде была создана письменность на их языке, затем дело приобщения «русов» к христианской религии завершил избранный Богом Владимир. Так в повествовании «Степенной книги» крещение «русов» во второй половине IX в. нашло свое определенное почетное место в картине древнерусского прошлого.

Литература

- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
 Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 293–368.
 Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
 Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
 Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article deals with the account about the Christianization of the “Rus” people, which is included in the *Book of Royal Degrees*. In the early 1560s the Moscovian bookmen tried to connect the Old Russian tradition which had associated the Christianization of the land in the times of Vladimir Svyatoslavich with the name of Patriarch Photius and the authentic reference of *Theophanes Continuatus* about the Christianization of the “Rus” people which had got into the *Russian Chronographer* and the *Nikon Chronicle* through the *Chronicle of Joannes Zonaras*. The issue was found by eliminating the link between the “Rus” people of the 9th century and the city of Kiev and

¹⁵ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 287; [Усачев, с. 566–567].

¹⁶ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 228.

¹⁷ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 26–27.

¹⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 228–229.

¹⁹ Там же. С. 229–230.



associating the Christianization of the former with the mission of Saints Cyril and Methodius. As a result, the events of the 9th and 10th centuries were newly interpreted as a number of sequential acts of heavenly beneficence for the Chosen people.

Keywords: christianization of the "Rus" people, christianization of Kievan Rus', Patriarch Photius, Book of Royal Degrees, Russian Chronographer, Nikon Chronicle, Joannes Zonaras, Theophanes Continuatus

УДК 94 ББК 63.3(2)51 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0032

Д. А. Хитров

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dkh@bk.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ШАЦКОГО УЕЗДА В XVII–XVIII в.¹

Статья посвящена реконструкции границ Шацкого уезда в XVII–XVIII в. Состояние источниковой базы существенно затрудняет изучение истории административно-территориального деления Тамбовско-Шацкого региона, однако автором предложены подходы к преодолению этих сложностей. Результат реконструкции представлен на карте, из которой видно, что территория Замокшанского стана расположена чересполосно с Кадомским уездом; показано, что в других частях государства такое расположение уездов не встречается.

Ключевые слова: история административно-территориального деления, уезды, Шацкий уезд, Кадомский уезд, историческая картография

Как известно, масштабная задача детальной реконструкции системы административно-территориального деления России в XVII–XVIII в. (до екатерининской губернской реформы), поставленная еще исследователями начала XX в., на данный момент остается нерешенной. Между тем она весьма актуальна, поскольку материалы поземельных описаний и переписей этого периода, такие как писцовые и переписные книги или ревизские сказки, собирались в рамках существовавших в то время уездов и без точных карт их систематизация и использование затруднены². Настоящая статья посвящена выяснению исторических границ основной территории одного из крупнейших уездов юго-востока страны – Шацкого³.

Запутанная история административно-территориального устройства Мещерского края в составе Московского государства давно привлекает внимание исследователей. Начальным этапам интеграции этого региона в состав Московского государства посвящены несколько работ А. А. Горского [см. в сборнике: Горский]. О более позднем времени писали П. Н. Черменский [Черменский], Л. Г. Дубинская [Дубинская, 1967; Дубинская, 1974; Дубинская, 1975], А. В. Беляков и Е. А. Енгальчева [Беляков, Енгальчева] и ряд других авторов. Благодаря их работам выяснилось, что процессы формирования уездов в этом регионе продолжались в течение всего XVII в., то есть в тот период, когда в центральных и южных районах страны уездные границы уже в целом устоялись. В то же время ни одну из этих работ не сопровождает достаточно подробная карта, на которой исследуемые процессы были бы представлены в территориальном аспекте.

В значительной степени такая ситуация обусловлена состоянием источников. По территориям Шацкой и Тамбовской провинций практически отсутствуют картографические материалы первой половины – середины XVIII в. [Кабузан, с. 81]. Единственным исключением является приблизительная схема, содержащаяся в Лесном атласе, составленном в начале 1780-х годов в Адмиралтейств-коллегии⁴. Однако она непригодна для создания детальной реконструкции административных границ: на ней нанесено очень небольшое число населенных пунктов (47 в Шацком уезде и 24 в Кадомском), причем все они, вопреки реальности, расположены вдоль рек Мокши и Цны. Учитывая, что изображение других районов страны в «Лесном атласе» намного реалистичнее, можно думать, что она отражает реальный уровень картографических представлений о Мещерском крае накануне губернской реформы; следовательно, рассчитывать на обнаружение в архивах более качественных карт не приходится. Правда, в нашем распоряжении имеются карты смежных территорий – Рязанской⁵, Владимирской⁶, Елецкой и Пензенской провинций⁷, Нижегородской и Астраханской губерний⁸, – позволяющие установить часть внешних границ интересующего нас региона. В составе фонда Сената в РГАДА нам удалось также обнаружить небольшую схему земель по реке Вороне, севернее города Борисоглебска⁹.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00069 ОГОН.

² Огромная работа по созданию исторических карт административно-территориального деления в разные исторические периоды велась в 1960–1980-х годах в секторе исторической географии Института истории СССР под руководством Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, однако из их материалов на сегодня опубликованы только мелкомасштабные схемы уездов на 1678 и 1727 г. [Водарский; Полный исторический атлас].

³ Находящийся значительно южнее Залесский стан, расположенный среди земель, исторически тянувших к Тамбову, будет объектом специального исследования. Кроме того, в XVIII в. к Шацкому уезду иногда относили находившиеся внутри Арзамасского уезда Починковскую, Сергачскую и Вадскую волости, которые также нуждаются в отдельном рассмотрении.

⁴ РНБ. Эрмитажное собр. № 610. Л. 46.

⁵ РГАДА. Ф. 192. Рязанская губерния. № 2.

⁶ РГАДА. Ф. 192. Владимирская губерния. № 1.

⁷ Нами использованы карты из коллекции Ж. Н. Делиля, хранящейся в Национальной библиотеке Франции. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55008550d/f10.image.r=Cartes%20manuscriptes%20russe%20pag%20delisle> (дата обращения: 31.10.2018).

⁸ БАН. Картографическое собрание. Оп. 1. № 576, 598.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 160. № 70.

